

А. И. Рупасов

Лесной экспорт СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке

Решение проблемы источников получения валюты для осуществления амбициозных программ восстановления и модернизации промышленности на протяжении всех 1920–1930-х гг. оставалось для политического руководства СССР одним из приоритетов. Экспорт леса не сразу стал источником пополнения валютных резервов: дефицит и низкая квалификация имеющейся в распоряжении рабочей силы, изношенность основных средств производства, отсутствие кредитования (в том числе брокерского, на котором традиционно ранее основывался экспорт леса), проблемы с фрахтом, колоссальные внутренние потребности в продукции лесоперерабатывающей промышленности и т. д. — все это затянуло возвращение России на мировой лесной рынок. Еженедельник Наркомата внешней торговли (далее — НКВТ) в 1924 г. констатировал: «Экспорт леса становится не только нашей основной задачей в области внешней торговли, это первоочередная проблема всего советского народного хозяйства. Это проблема не только текущего момента, выросшая в связи с сокращением экспорта хлеба, а тяжелая для разрешения задача на многие и многие годы»¹. Вынужденность отказа от наращивания экспорта зерновых (в конце 1920-х гг.) и признание того, что в силу объективных причин экспорт нефтепродуктов также не станет гарантированным

***Рупасов Александр
Иванович***

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

источником валютных поступлений (в середине 1930-х гг.), обусловили особую значимость экспорта лесных товаров. Однако конкуренция на европейском лесном рынке была велика². На нем присутствовало несколько крупных лесоэкспортеров, а основными конкурентами для СССР являлись Швеция, Финляндия и отчасти Польша. Взаимодействие между шведским объединением экспортеров (*Exportföreningen*) и финским объединением лесозаводчиков (*Sahanomistajyhdistys*) еще до Первой мировой войны было довольно тесным, с середины 1920-х гг. потребность во взаимодействии у них существенно возросла, поскольку на значительную долю европейского рынка стал претендовать СССР. Финские и шведские экспортеры в середине 1920-х гг. весьма осторожно пошли на переговоры с советской стороной. Угроза утраты значительной части рынка стала для них актуальной только к началу мирового экономического кризиса.

Вместе с тем обеспокоенность возможным выходом больших объемов советского леса на рынок обусловила согласие шведской стороны на установление контактов. Эта обеспокоенность носила обоюдный характер. «Остаются только два пути улучшения создавшегося положения: или сокращение производства, или соглашение лесоэкспортеров главнейших стран относительно минимума цен», — констатировалось в еженедельнике НКВТ³. В 1925 г. для переговоров в Скандинавию выехала специальная комиссия во главе с Ф. Я. Рабиновичем, но каких-либо результатов не достигла: шведская сторона отказалась сформулировать свои предложения, поскольку выяснилось, что ее первые тревоги были не слишком обоснованны — объемы советского экспорта не приобрели серьезного масштаба⁴. По признанию председателя комиссии по обследованию лесоэкспортных организаций ВСНХ Самсонова, «одним из крупнейших препятствий к плановому развитию лесоэкспорта» являлись «необследованность и неустроенность лесных массивов», а в ряде районов — и необходимость удовлетворения внутренних потребностей⁵. В конце января 1926 г. председатель Центрального лесоэкспортного бюро Объединенной лесоэкспортной промышленности К. Х. Данишевский направил председателю ВСНХ Ф. Э. Дзержинскому, Э. И. Квириунгу и Г. Л. Пятакову записку, озаглавленную «Памятка об основных мерах по увеличению размеров лесного экспорта СССР (к докладу тов. Дзержинского в Деловом клубе 24 января 1926 г., составлена согласно личных переговоров с т. Дзержинским)». Данишевский отмечал сокращение лесного экспорта в навигацию 1926 г. в сопоставлении с навигацией 1925 г., при этом доля лесного экспорта составляла 15 % всего экспорта СССР, а «промышленного экспорта» — до 30 %. Как и Самсонов, он ссылаясь в качестве важнейшей причины на необходимость удовлетворения внутреннего спроса («повышение цен на внутреннем рынке и крайняя убыточность продаж на внешнем рынке, что грозит уничтожением оборотных средств лесоэкспортных трестов») и ставил вопрос о желательности дотирования лесного экспорта и установлении целого ряда льгот для лесопромышленных смешанных обществ Севера России (если в 1925 г. на них приходилось около 30 % экспорта европейского севера России, то в 1926 г. они, по расчетам, должны были дать не более 10 %) ⁶.

В дальнейшем переговоры проходили то в Стокгольме, то в Хельсинки⁷. Однако для шведов и финнов эти переговоры оставались зондажом советских намерений. Состоявшиеся 14–15 января 1926 г. в Копенгагене переговоры носили

тот же характер, но полученная сторонами информация была более чем расплывчатой. Советская сторона соглашалась «начать продажи по ценам скандинавов», однако при условии, что ей «будет предоставлено должное место на рынке». Данное требование объяснялось тем, что советский лесной экспорт составлял не более 50 % от довоенного уровня, тогда как скандинавы превысили этот уровень. Кроме того, советская сторона соглашалась отказаться от так называемых нерегулярных продаж, от продаж перекупщикам, но также при условии предоставления соответствующего места на рынке⁸.

Ситуация стала меняться с началом мирового экономического кризиса, повлекшего резкое падение цен. Вместе с тем именно к этому времени деревоперерабатывающая промышленность в СССР значительно нарастила свои объемы, хотя качество предлагаемого товара оставалось невысоким. Испытывавший крайнюю нужду в валюте, Советский Союз был вынужден поставлять продукцию лесной промышленности по низким ценам. Однако мировой кризис стимулировал в соседней Финляндии значительное повышение эффективности лесной отрасли и снижение себестоимости продукции при сохранении ее высокого качества. В итоге, несмотря на сокращение абсолютных размеров финского лесного экспорта, его позиции на европейском рынке укрепились⁹. Кроме того, экспорт лесоматериалов составлял более половины всего экспорта Финляндии, поэтому его сокращение болезненно отзывалось на благосостоянии довольно широких слоев населения. Одним из первых, кто с ноября 1929 г. стал ставить перед советскими властями вопрос о необходимости компромисса в разделе рынка, был глава Банка Финляндии Ристо Рюти. К началу 1930 г. роль «советской составляющей» учитывалась широкими кругами политиков и предпринимателей. События декабря 1929 г. в Лапуа, положившие начало быстро набравшему силу массовому антикоммунистическому движению в Финляндии, в Москве связывали именно с сокращением финского экспорта. Военная разведка оценивала опасения финской буржуазии по поводу советской конкуренции как один из главных факторов, способствующих росту у нее агрессивных намерений¹⁰. В свою очередь, полпред в Финляндии И. М. Майский в Справке по вопросу о финско-советских отношениях за 1930 г. отмечал, что из-за возвращения СССР на мировой лесной рынок «сильно увеличилась безработица, сильно упали доходы крестьянства, ибо свыше половины всех лесозаготовок происходит на крестьянских землях», результатом чего стали организация лапуасцами бойкота советских товаров, хулиганские выходки против магазинов «Резинотреста» и базовой станции «Нефтесиндиката»¹¹. Однако в 1930 г. лесной экспорт и для СССР превратился в важнейший источник поступления валютных средств, необходимых для ускоренной индустриализации. Этим объясняется указание Политбюро А. П. Розенгольцу согласовать вопрос о компенсации за нерасширение лесного экспорта с председателем СНК В. М. Молотовым. Положение СССР усугубляли обвинения в демпинге, звучавшие в Европе призывы к срыву замыслов Москвы по подрыву европейской экономики. В начале 1931 г. министр иностранных дел Финляндии Ялмар Прокопе в ходе женеvских встреч убеждал своих коллег в необходимости борьбы с советским демпингом, ссылаясь на применение в СССР принудительного труда на лесозаготовках¹². Ситуация делала заключение соглашения с финскими и шведскими

лесоэкспортерами исключительно желательным для советской стороны — не только для закрепления за СССР достигнутой высокой квоты в лесном экспорте, но и для срыва усилий по расширению экономических санкций против СССР (осенью 1930 г. введенных Францией). Неофициальные контакты представителей советских, шведских и финских лесозэкпортеров поддерживались на протяжении 1929–1930 гг., но каких-либо результатов не приносили.

Оценивая итоги лесного экспорта в 1928–1930 гг., К. Данишевский приводил следующие данные: удельный вес СССР в мировом экспорте леса в 1928 г. составлял 6,7 %, в 1929 г. — 11,3 %, в 1930 г. — 16,7 %. Однако при этом он признавал, что, несмотря на количественный рост, изменений в качестве практически не происходило¹³. К 1931 г. ситуация для СССР стала особенно неблагоприятной. 17 января член коллегии наркомата торговли Ш. М. Дволайцкий по поручению Розенгольца направил Сталину копию записки в Политбюро о соглашении с финскими и шведскими лесопромышленниками об ограничении экспорта пиломатериалов. В записке констатировалось, что с 1926 по 1930 г. доля финнов и шведов на английском рынке пиломатериалов снизилась с 52,3 % до 42,1 %, а советская возросла с 13,4 % до 30,9 %. Как выясняется из текста, инициаторами соглашения были не только шведы и финны, но и крупнейшая английская брокерская фирма «Черчилль и Сим», предложившая, в частности, получение советской стороной крупного долгосрочного кредита в обмен на заключение соглашения об ограничении экспорта. «Схемой» такого соглашения предусматривалось ограничение продажи советских пиломатериалов на главных рынках (Англия, Германия, Голландия, Бельгия, Дания, Южная Африка) 950 тыс. стандартов в 1931 г. (вместо намечавшихся 1,1 млн) и 1,15 млн стандартов в 1932 г., тогда как совокупные продажи финнов и шведов не должны превышать соответственно 1,3 млн и 1,15 млн стандартов. Ведомство Розенгольца предлагало в качестве компенсации запросить кредит в 25 млн руб. в 1931 г. (стоимость «недоввозимых» 150 тыс. стандартов составляла примерно 10 млн) и в начале 1932 г. дополнительный кредит в 30 млн руб. Оба кредита погашались бы в течение 5 лет¹⁴.

20 января 1931 г. Политбюро ЦК ВКП(б), заслушав мнения главы Наркомата внешней торговли Розенгольца, председателя правления «Экспортлеса» К. Х. Данишевского и замнаркома Наркомата иностранных дел (далее — НКИД) М. М. Литвинова, приняло решение: «а) Принять предложение Наркомвнешторга о вступлении в переговоры с шведскими и финскими лесопромышленниками о соглашении по лесозэкспорту на основе предложенной НКВТ схемы. б) Поручить т. Розенгольцу согласовать с т. Молотовым цифры компенсации за нерасширение экспорта»¹⁵. Конкретными причинами постановки этого вопроса на Политбюро явились продолжавшееся падение цен на товары лесозэкпортирующих фирм на европейском рынке и занятая финскими и шведскими лесозэкпортерами позиция выжидания в вопросе о заключении трехстороннего соглашения по лесозэкспорту, фактический отказ их сформулировать собственные предложения об основе возможных переговоров. НКВТ была необходима санкция высшего политического руководства страны на ведение подобных переговоров. Когда в 1929 г. СССР резко увеличил поставки лесоматериалов по низким ценам на европейский рынок, возникновение подобной ситуации в Москве не предвидели. Согласно «Внутреннему бюллетеню»

«Экспортлеса», СССР в 1929 г. предложил на рынок 752 тыс. стандартов лесоматериалов, тогда как в предшествующем году им было предложено всего 197 тыс. стандартов (по другим данным — 896 тыс. стандартов в 1929 и 465 тыс. в 1928 г.¹⁶).

О значении, которое придавало лесному экспорту советское руководство, свидетельствует прием Л. М. Кагановичем и заместителем наркома Рабоче-крестьянской инспекции СССР И. А. Акуловым заместителя руководителя Группы рационализации промышленности наркомата Рабоче-крестьянской инспекции К. И. Альбрехта¹⁷ перед его выездом в Финляндию, Швецию, Норвегию и Германию в июле 1930 г. для ознакомления с состоянием лесного дела. Беседа вращалась вокруг необходимости выяснить отношение лесопромышленников Финляндии и Скандинавии к «совместной работе по лесозэкспорту». По своему возвращении Альбрехт отметил, что методы работы «Экспортлеса» вызывают возмущение финских лесопромышленников (оно достигло наивысшего предела, когда по неизвестным причинам оказались сорванными встречи представителей финских лесозэкспортеров с председателем правления «Экспортлеса» Данишевским в Берлине и Гамбурге). Альбрехт предлагал как можно скорее добиться договоренности о совместных действиях лесозэкспортеров и создать международную организацию во главе с Данишевским. Соглашение могло быть ограничено тремя годами, с тем чтобы за это время модернизировать советскую лесоперерабатывающую промышленность, снизить себестоимость и повысить качество продукции. В будущем это позволило бы действовать самостоятельно на рынках Европы без оглядки на Скандинавию¹⁸.

СССР претендовал почти на половину экспорта трех стран. Кроме этого, сложность в поисках компромисса, например со шведскими лесозэкспортерами, вызывал их отказ гарантировать соблюдение соглашения всеми шведскими фирмами. Неторопливость шведских и финских лесозэкспортеров, вероятно, объяснялась не только расчетом на существенное урезание запросов Москвы, но и тем, что объемы советского экспорта, несмотря на явный рост, еще далеко не достигли довоенного уровня. Правительственные круги Финляндии держались индифферентно (глава МИД Я. Прокопе даже высказывал сомнения относительно факта переговоров финских лесозэкспортеров с СССР¹⁹). Нараставшая на Западе кампания против закупок русского леса, который добывается «бесплатным трудом каторжников», вызывала в Москве тревогу и подстегивала ее в желании ускорить достижение компромисса.

Переговорный процесс направлялся НКВТ. Судя по всему, в октябре — ноябре 1930 г. НКИД в лице Н. Н. Крестинского безуспешно пытался договориться с внешнеторговым ведомством о совместной работе по проблеме лесозэкспорта. Руководство НКВТ выступило тогда категорически против временного соглашения с финнами и шведами. В середине ноября Крестинский собирался поставить этот вопрос «в разных инстанциях». Однако осведомленность НКИД в проблемах лесного рынка в Европе и возможностях советского экспорта основывалась преимущественно на материалах прессы²⁰, что объясняет нередкие ссылки в дипломатической переписке на нежелательность обсуждения разногласий с НКВТ в Совнарком: перенося дискуссию в Политбюро, НКИД мог уверенно оперировать международно-политическими соображениями, вместо того чтобы втягиваться

в дискуссию по более сложным для этого ведомства экономико-политическим проблемам. Формулировки решений Политбюро подчеркивают, что в этой сфере внешнеполитическое ведомство занимало невысокое место среди других наркоматов. Его роль в подготовке вышеупомянутого постановления от 20 января 1931 г. была ограничена «визированием» предложений НКВТ — 3 января 1931 г. Коллегия НКИД признала соглашение с лесоэкспортерами Финляндии и Швеции желательным «при условии его хозяйственной приемлемости для нас»²¹. Примерно в то же время в НКВТ состоялось совещание под председательством Данишевского, в котором приняли участие полпред И. М. Майский и не слишком осведомленная в обсуждаемом вопросе полпред в Швеции А. М. Коллонтай. Предложение (вероятно, исходившее от торгпреда в Польше С. К. Климохина) о включении в число потенциальных партнеров Польши, сама такая возможность «были категорически отвергнуты даже и для кампании 1932 г.»²².

В середине января нарком А. П. Розенгольц направил Сталину записку «О соглашении с финскими и шведскими промышленниками об ограничении экспорта пиломатериалов». В ней давалась краткая характеристика лесного экспорта Швеции, Финляндии и СССР и указывалось, что НКВТ неоднократно, в том числе от английских брокерских фирм, получал предложения заключить соглашение по экспорту пиломатериалов, основным пунктом которого стало бы предоставление СССР кредита в обмен на сокращение экспорта. В НКВТ полагали, что на таких переговорах СССР окажется в выгодном положении, поскольку в отличие от конкурентов способен выдержать установившиеся на рынке низкие цены. К записке прилагался проект постановления Политбюро, которым НКВТ поручалось вести переговоры «на основании следующей схемы»:

— СССР ограничивает продажи пиломатериалов на рынках Англии, Германии, Голландии, Бельгии, Дании и Южной Африки (всего — 950 тыс. стандартов в 1931 г. вместо намеченных 1100 тыс. и 1150 тыс. в 1932 г.); взамен шведские и финские партнеры устанавливают верхний предел своего общего экспорта на 1931 г. — 1300 тыс., на 1932 г. — 1150 тыс. стандартов;

— на остальных рынках стороны обладают полной свободой действий;

— в качестве компенсации СССР получает пятилетние кредиты: 25 млн руб. в 1931 г. (стоимость «недовывезенных пиломатериалов» равнялась 10 млн), 30 млн руб. — в 1932 г.;

— вслед за подписанием соглашения стороны устанавливают цены запродаж на весь 1931 г.;

— стороны обязуются ежемесячно предоставлять друг другу информацию о совершенных сделках;

— условием соглашения является получение СССР реальных гарантий, что оно «будет распространяться действительно на весь экспорт Швеции и Финляндии».

Руководство НКВТ предлагало возложить ведение переговоров на члена Коллегии наркомата Данишевского и не просило подкреплять их дипломатическими акциями со стороны представителей НКИД²³. Намеченные условия отличались сравнительным реализмом, в особенности при определении советской квоты на начавшийся 1931 г. Одной из главных причин снижения уровня советских притязаний явилось понимание невозможности выполнить намечавшиеся планы

по поставкам за границу из-за неудовлетворенности нужд внутреннего рынка, дефицита рабочей силы, скверного состояния портовых мощностей и железнодорожного транспорта. Вместе с тем предложения НКВТ не учитывали возможностей конкурентов изменить в свою пользу ситуацию на лесном рынке и без достижения соглашения с СССР.

НКВТ не удавалось реализовать решение политического руководства. 20 февраля Политбюро было вынуждено принять новое решение, гласившее: «а) Констатировать, что постановление Политбюро от 20.1.31 г. о соглашении с финнами и шведами по лесоэкспорту Наркомвнешторгом ни в какой степени не выполнено; б) Поручить СНК СССР принять меры к тому, чтобы Наркомвнешторгом было выполнено постановление Политбюро от 20.1.31 г. о соглашении с финнами и шведами по лесоэкспорту»²⁴. Однако к каким-либо решительным переменам это постановление также не привело. В середине марта полпред в Швеции А. М. Коллонтай констатировала: «На очереди актуальная задача экономико-политическая: лесное соглашение со Швецией и Финляндией, основными экспортёрами леса на мировой рынок... наши конкуренты подняли гвалт, что мы сбиваем цены». Полпред пригрозила министру иностранных дел Сену Густаву Рамелю сокращением советских заказов, если кампания за бойкот советского леса будет продолжаться²⁵. В начале апреля шведская печать сообщила о возможности достижения договоренности между шведскими лесоэкспортёрами и «Экспортлесом», что вызвало обеспокоенность МИД Финляндии. Для выяснения фактического положения дел посланник в Стокгольме Рафаэль Эрих срочно встретился с видным банкиром Оскаром Рюдбеком. Последний объяснил, что ранее шведами рассматривалась возможность достижения соглашения с СССР, по которому он вместо продажи леса непосредственно в Англию и другие европейские страны использовал бы торговые фирмы северных стран, которые стали бы приобретать русский лес и на свой страх и риск заниматься его транспортировкой и продажей. Рюдбек позитивно оценивал появившуюся в печати информацию о возможном соглашении, в котором фиксировались бы контингент и цены, и считал, что в нем помимо Швеции и Финляндии могла бы участвовать Норвегия. Одним из главных сторонников подобного соглашения Рюдбек назвал Акселя Валленберга, их основным оппонентом являлся глава объединения шведских лесоэкспортёров Вильгельм Экман²⁶.

В Финляндии торгпред М. Л. Стаковский продолжил попытки своего предшественника З. Давыдова вступить в переговоры с представителем финских лесоэкспортёров Акселем Солитандером, и в апреле — мае они провели несколько встреч. К концу апреля в советских правительственных кругах «значительно вырос интерес к заключению экспортного соглашения», в результате чего в Москве было вынесено «новое решение» и посланы соответствующие телеграммы полпреду и торгпреду. Под «новым решением» имелось ввиду решение Политбюро от 20 апреля 1931 г. Оно было кратким: «Отложить»²⁷. В чем была суть обсуждавшегося вопроса, остается неизвестным. Можно предположить, что рассматривалась возможность заключения двустороннего соглашения с Финляндией о лесном экспорте на европейские рынки (в отличие от принятого ранее варианта трехстороннего соглашения советских, финских и шведских экспортёров), поскольку

в начале апреля в Москву поступила информация, что финские экспортные фирмы были встревожены слухами о договоренности «Экспортлеса» со шведскими лесозэкспортерами.

Переговоры М. Л. Стаковского и И. М. Майского с представителем финских лесозэкспортеров совпали с обострением советско-финских отношений, спровоцированным коллективизацией в населенных ингерманландцами районах Ленинградской области. Накануне рассматриваемого решения Политбюро М. М. Литвинов направил на утверждение Сталина проект официозного комментария к телеграмме ТАСС об антисоветской кампании в Финляндии²⁸. Поскольку финские «фирмы-лесники» неизменно оказывали поддержку антикоммунистическому движению, активизация переговоров с ними на время потеряла актуальность. Возможно, именно по этой причине, вопрос был «отложен». В начале двадцатых чисел апреля кампания в финской печати по поводу положения в Ингерманландии на несколько дней стихла, но затем вновь разгорелась с новой силой. «Переговоры с финнами» вторично оказались на повестке дня Политбюро, но 30 апреля его «решением» рассмотрение этого вопроса было отложено²⁹. Окончательное решение по этому поводу — «Снять вопрос» — Политбюро вынесло 10 мая 1931 г.³⁰, когда стало очевидным, что правительство Финляндии намерено предпринять официальные дипломатические шаги в защиту притесняемого национального меньшинства, включая обращение в органы Лиги Наций.

С конца апреля И. М. Майский принимал непосредственное участие в переговорах Стаковского — Солитандера. В качестве повода для их активизации советская сторона использовала предложение финнов о визите в Москву А. Хакцеля. «Экспортлес» ответил согласием, о чем Майский сообщил министру иностранных дел Юрье-Коскинену³¹. В середине мая директор Банка Финляндии Р. Рюти довел до сведения Майского новое предложение финской стороны — провести переговоры в Берлине в начале июня. Со своей стороны, 23 мая Солитандер направил письмо Стаковскому, содержащее намек на желательность приглашения СССР представителей шведских лесозэкспортеров; он вновь предлагал сообщить советские предложения³².

По косвенным данным можно сделать предположение, что цифры утвержденной в январе 1931 г. на Политбюро схемы переговоров не были доведены до сведения шведской и финской сторон вплоть до берлинской встречи. Возможно, для руководства НКВТ и «Экспортлеса» стала очевидной явная завышенность собственных требований. Между тем у конкурентов «Экспортлеса» росла уверенность в том, что время работает против русских, которые довели свой экспорт до такой абсурдной ситуации, когда он скоро не станет покрывать издержки даже на транспортировку³³. А. Я. Прокопе в беседе с Майским в начале марта дал понять, что нежелание финских деловых кругов активизировать переговорный процесс объясняется неверием в стабильное выполнение Советской Россией эвентуального соглашения. Такая вера, считал Прокопе, может возникнуть только при проявлении советской стороной действительного желания реорганизовать собственную лесоперерабатывающую промышленность и лесную торговлю³⁴.

Трехсторонние переговоры состоялись 9 июня в Берлине и завершились безрезультатно. В соответствии с постановлением Политбюро³⁵ «Экспортлес»

на переговорах представляли К. Х. Данишевский, его заместитель Э. Пор и И. В. Боев (финскую сторону — Солитандер, Юлин и Вреде, шведскую — Прютц и В. Экман). Одно из главных выявившихся расхождений заключалось в том, что советская делегация настаивала на регулировании продаж только пиломатериалов, а не всех видов лесных товаров³⁶. Кроме того, «в отношении цен мы настаивали на установлении определенных базисных цен. Финны предпочитали ограничиться совместным обсуждением цен. В отношении контроля за соблюдением квот, финны и шведы отказались от контроля за дикими экспортерами, но в случае превышения квот соглашались на снижение квот организованных экспортеров. В отношении кредита... [они] отказались взять на себя какие-либо обязательства финансового характера. Финны плелись в хвосте у шведов»³⁷. Информация о проходивших в полном секрете переговорах в прессе была крайне скупа, лишь в сентябре 1931 г. она стала достоянием довольно широких кругов, оценивавших, по словам Майского, возможность соглашения весьма оптимистически. Появились даже сообщения о наличии договоренности советской стороны с финнами по вопросам цен³⁸. Одновременно в беседе со шведским посланником в Москве Гюлленшерной Стомоняков особо отметил, что плохая организованность шведских лесозэкспортеров (в отличие от финских) не может служить гарантией выполнения возможного соглашения³⁹.

На Варшавской конференции по лесу, созванной польско-балтийско-скандинавской торговой палатой 25–27 июня 1931 г., советская сторона была представлена участником берлинских переговоров заместителем председателя правления «Экспортлеса» Э. Пором. Однако, судя по всему, проблемы взаимодействия Экспортлеса с финскими и шведскими экспортерами в Варшаве не обсуждались. Трехсторонние переговоры были продолжены 28–29 июня в Копенгагене. Противоречия выявились в объемах квот («Экспортлес» требовал 40 % общего сбыта), в вопросах финансирования и длительности соглашения (советская сторона предлагала соглашение только на 1932 г., финны и шведы — на три года). Единственным достижением явилась договоренность о созыве очередной конференции в 1932 г. в Лондоне. Среди финских деловых кругов не было единства по вопросу о необходимости заключения соглашения с «Экспортлесом», однако большинство высказывалось за достижение договоренности. Правительство Финляндии сформировало делегацию для трехсторонних переговоров во главе с Гуннаром Ятиненом. В нее также вошли горный советник Якоб фон Юлин, доктор Вильгельм Розенлев, консул Аугуст Снелльман, генеральный консул Аксель Солитандер и исполнительный директор Э. Ф. Вреде. Согласно инструкциям, делегация в крайнем случае могла согласиться на 35 %-ную долю для «Экспортлеса», но такой подход не встретил отклика шведской стороны⁴⁰.

Экономический кризис вынуждал Москву искать любые, даже самые незначительные источники поступления валюты. Можно предположить, что советская сторона в 1931 г. могла пойти на еще большее снижение цен, однако этому помешали следующие обстоятельства. Как явствует из справки, направленной в сентябре того года начальнику сектора проверки исполнений НКВТ Судьину, за первое полугодие лесная промышленность выполнила план по пиломатериалам всего на 69,5 %, «массовые случаи недопилов отдельных стокнотов не дали возможности

выполнить наряды покупателям», а «в части пропсов мы имели систематическое нарушение лесозаготовителями спецификаций». Кроме того, как выяснилось, потребности внутреннего рынка оказались настолько неудовлетворенными, что Главлеспром в начале осени решил перевести работавшие на экспорт пилорамы для работы на внутренний рынок, а качество предъявляемой к экспорту продукции оказывалось таким, что бракеры «Экспортлеса» в ряде случаев браковали до 60 % товара⁴¹.

Сторонникам сближения СССР со Швецией и Финляндией оставалось сетовать на то, что в Москве к лесной проблеме подходят только с точки зрения выгод экспорта, забывая, что хорошие отношения с финскими и шведскими лесозэкспортерами — база для советской политики на Севере Европы⁴². Осенью 1931 г. при обсуждении (по инициативе Розенгольца и Данишевского) вопроса о переговорах со шведскими лесозэкспортерами⁴³ на Политбюро было решено требовать предоставления кредита на шесть лет в размере 15 млн долларов, если советская квота составит 48 %, или 20 млн, если квота будет не ниже 40 % (без учета продаж леса на Дальнем Востоке). Новая переговорная позиция также не привела к соглашению с финскими и шведскими экспортерами. Желание заставить конкурентов быть более покладистыми побудило Розенгольца предложить в декабре 1932 г. Политбюро следующую тактику: затягивать переговоры, не идя на их срыв, при этом одновременно форсировать продажу советского леса на европейском рынке, не останавливаясь перед некоторым снижением цен. Политбюро согласилось с предложением Розенгольца⁴⁴.

Отзвуком безрезультатных переговоров о временном соглашении по лесному экспорту явилось заявление эстонского правительства, в мае 1931 г. вспомнившего том, что Тартуским мирным договором за Эстонией было признано право получения в России лесной концессии в размере 1 млн десятин. Посланник Ю. Сельямаа вручил Б. С. Стомонякову 18 мая меморандум о предоставлении Эстонии лесной концессии в Восточной Карелии (200–300 тыс. десятин)⁴⁵. Практических последствий демарш Таллина не возымел.

В 1931 г. советская сторона предложила финским производителям приступить к переговорам о ценах и объемах экспорта леса. Первоначальная реакция финской стороны была сдержанной, если не отклоняющей. Шведско-финско-советские переговоры состоялись в июне 1931 г. в Берлине. Финскую сторону представляли Гуннар Яатинен, Аксель Солитандер и Э. Ф. Вреде, советскую — Данишевский. Совершенно неожиданно советская сторона основным вопросом сделала получение кредитов за рубежом. Ограничение советского экспорта обуславливалось именно получением от шведов и финнов кредитов, так как СССР нуждается в валюте. Следующие переговоры должны были состояться в июле 1931 г. в Копенгагене. В конце июня 1931 г. по инициативе польской, прибалтийских и скандинавских торговых палат в Варшаве была созвана конференция по вопросам производства лесных товаров. На ней присутствовала и советская делегация. 21 июня Политбюро постановило командировать на эту конференцию Пора⁴⁶. Свое согласие принять участие в конференции выразили все крупнейшие европейские страны-лесозэкспортеры, общий экспорт которых составлял 84 % всего лесозэкспорта. Если в начале 1931 г. шведские и финские экспортеры пытались придерживаться более высоких цен

на свою продукцию, чем те, которые предлагались советским «Экспортлесом», то затем им пришлось пойти на снижение цен из-за выброса на рынок крупных партий польского и американского леса и резко ухудшившейся экономической ситуации в Германии. В результате «разразилась вакханалия цен» (по выражению «Бюллетеня Экспортлеса»). Единственный вопрос, по которому удалось достичь участникам согласия, — принципиальное одобрение введения контингентирования лесного экспорта, но иных реальных результатов конференция не принесла. После варшавской конференции в Вене был учрежден международный комитет — *Comité Permanent International de la Production, de l'Industrie et du Commerce du Bois*.

После берлинских переговоров советско-шведско-финские переговоры были продолжены в Копенгагене, где основным вопросом стали квоты. После переговоров в Копенгагене правление *Sahanomistajyhdistys* утвердило состав полномочной делегации для ведения переговоров с русскими и шведами. В нее вошли Г. Яатинен, Я. фон Юлин, В. Росенлеф, А. Снелльман, А. Солитандер и Э. Ф. Вреде. Финская делегация получила разрешение в крайнем случае идти на предоставление советской стороне 35 % квоты. Очередная встреча делегаций состоялась в Стокгольме. Шведская делегация была категорически против предоставления советской стороне такой квоты⁴⁷.

20 сентября 1931 г. председатель правления «Экспортлеса» К. Х. Данишевский направил начальнику сектора проверки исполнений НКВТ Судьину справку о выполнении ряда постановлений СТО и Президиума ЦКК ВКП(б) и Народного комиссариата рабоче-крестьянской инспекции. В документе объяснялись причины, заставившие «Экспортлес» и НКВТ «пойти по пути снижения первоначальной программы». Они сводились к следующим: 1) лесная промышленность за первое полугодие выполнила плановые задания по пиломатериалам на 69,5 %; 2) «массовые случаи недопилов отдельных стокнотов не дали возможности выполнять наряды покупателям»; 3) лесозаготовители систематически нарушали спецификации на пропсы; 4) Главлеспром должен был переключить на работу на экспорт такое количество пиломатериалов, которое обеспечило бы 100 %-ное выполнение экспортного плана, но, как выяснилось, даже те пиломатериалы, которые были первоначально переведены на эти работы, «телеграфным распоряжением Главлеспрома переводятся для работы на внутренний рынок». Кроме того, качество поставляемой «Экспортлесу» продукции таково, что его бракеры бракуют до 60 % предъявляемой продукции. Данишевский сетовал на то, что постановление СНК от 12 августа 1931 г. о штрафах за экспорт недоброкачественных товаров не оказывает должного воздействия. В результате план по пиломатериалам был выполнен на 74,5 % (668 492 стандарта), по фанере на 42 %, по балансам на 55 %, по пропсам на 43,8 %, по слипперам на 72,1 % и т. д.⁴⁸

8 апреля 1932 г. глава НКВТ делал на Политбюро доклад о переговорах с финскими экспортерами. На протяжении зимы 1931–1932 гг. контакты между представителями «Экспортлеса» и представителями шведских и финских экспортеров продолжались. К прежним причинам, вынуждавшим советскую сторону искать компромисс со своими основными конкурентами на европейском рынке, добавилась еще одна. Если шведские и финские фирмы, несмотря на кризисную ситуацию на рынке, благодаря снижению себестоимости и повышению качества

продукции смогли несколько увеличить объемы продаж, то советская лесная торговля с трудом удерживала достигнутый в 1930–1931 гг. уровень⁴⁹. Удержание позиций при помощи демпинговых методов к весне 1932 г. становилось для СССР экономически бессмысленным. Попытки добиться повышения качества товаров «Экспортлеса» при сохранении на них низких цен не удалось. Исполняя принятое 12 августа 1931 г. Постановление СНК № 687 о штрафах за экспорт недоброкачественных товаров, приемщики «Экспортлеса» браковали иногда до 60 % продукции⁵⁰; это, впрочем, не гарантировало высокого качества проходивших контроль партий товара. Тем не менее на протяжении зимы — весны 1932 г. НКВТ и «Экспортлес» продолжали придерживаться рекомендованной ими Политбюро еще в декабре 1931 г. тактики: затягивание переговоров, но не доведение до их срыва при форсированной продаже на европейском рынке⁵¹. Судя по имеющейся фрагментарной информации, переговорные позиции шведских и финских фирм (при некоторых различиях между ними по ряду вопросов) и советской стороны с весны 1931 г. существенных изменений не претерпели. Это объясняет ссылку на сохранение в силе «прежних директив Политбюро». Детальное содержание сделанных со стороны шведских и финских фирм «Экспортлесу» предложений (о квотах, политике цен и способах контроля) неизвестно. Скорее всего, они были близки к тем, которые рассматривались на Политбюро 1 июня 1932 г. По докладу Розенгольца было принято решение: «т. Краевскому принять предложение финнов о встрече с ними и шведами для переговоров об организации лесного экспорта; добиваться, чтобы время встречи было до конференции Лиги Наций по лесу; при ведении переговоров придерживаться прежних директив Политбюро»⁵².

К началу лета 1932 г. осуществление лесного экспорта столкнулось с еще одной проблемой. Согласно ст. II Мирного договора 1921 г. Польша и Россия принимали на себя обязательство предоставить друг другу право свободного судоходства и сплава. На протяжении десятилетия советские хозяйственные организации беспрепятственно осуществляли сплав леса по пограничным рекам Случ и Морач (Белоруссия, район Мозыря). В июле 1931 г. луинецкий староста объявил советской стороне о расторжении протокола местной пограничной комиссии по Житковичевскому району, которым определялись правила производства сплава. Это решение мотивировалось ссылкой на неурегулированность конфликтов на этом участке границы. После длительных переговоров Варшава формально согласилась с допущением советского сплава. Весной 1932 г. наркомат лесной промышленности подготовил к сплаву в этом районе около 50 тыс. кубометров деловой древесины, «однако после открытия навигации этого года, когда древесина была спущена на воду и сплочена в плоты, со стороны Польши последовало запрещение в отношении сплава этого леса»⁵³. МИД Польши увязал снятие запрета с выдачей советской стороной задержанного советской погранохраной польского гражданина Границкого. 17 мая Стомоняков информировал наркома лесного хозяйства Лобова о целесообразности отказаться в 1932 г. от сплава леса по рекам Случу и Морочи. «Не входя по существу в состояние переговоров Наркоминдела с Польшей, — обращался С. С. Лобов к Сталину, — мы приняли директиву тов. Стомонякова к исполнению». Изыскивая способы уменьшить неизбежные убытки, Наркомлес просил ЦК ВКП(б) «дать Наркоминделу указание о быстрейшем

урегулировании взаимоотношений с Польшей для того, чтобы иметь возможность как сплавить древесину этого года, так и дальнейшей эксплуатации богатых массивов этого района»⁵⁴. Политбюро отказалось санкционировать до 1933 г. отказ от сплава в районе Мозыря⁵⁵. Одним из главных обстоятельств этого являлись валютные затруднения. Временная комиссия Политбюро по валютным резервам под председательством Л. М. Кагановича к концу июня выработала предложения о путях снижения валютных накладных расходов. 23 июня они были одобрены Политбюро. АО «Экспортлес» и Наркомвнешторгу, в частности, предписывалось активизировать пограничный сплав на Тильзит, Мемель, другие торговые центры Северо-Запада и соответственно уменьшить объем древесины, перевозимой по литовским, польским, германским и финляндским железным дорогам. Таким путем предполагалось получить около трети валютной экономии по лесному экспорту (230 из 665 тыс. руб.)⁵⁶.

Ситуацию на европейском лесном рынке в 1931–1932 гг. серьезно усугубило поступление значительных объемов товара из Польши и Северной Америки. К концу 1931 г. на лесном рынке разразилась настоящая вакханалия⁵⁷. В результате проблема стала обсуждаться на самом высоком уровне — секретариат Лиги Наций предпринял попытку найти пути выхода из кризиса. Для обсуждения проблемы в Женеву были приглашены представители Англии, Франции, Германии, Швеции, Италии, Нидерландов, Польши, Чехословакии, Финляндии и СССР⁵⁸. Решено было включить обсуждение этой проблемы в программу обсуждения на Лондонской экономической конференции в 1933 г.⁵⁹ Однако ко времени этой конференции ситуация для финских и шведских экспортеров существенно улучшилась, желания связывать себя какими-либо жесткими обязательствами по квотированию экспорта леса у них уже не было. Только летом 1935 г. контакты между лесоэкспортерами трех государств по вопросу о разделе европейского рынка возобновились и была достигнута договоренность об ограничении экспортных поставок. На международных переговорах в Копенгагене (14–15 ноября 1935 г.) доля СССР была определена на 1936 г. в размере 950 тыс. стандартов (Финляндия — 1050 тыс., Швеция — 820 тыс., Польша — 313 тыс., Австрия — 275 тыс., Румыния — 223 тыс., Югославия — 168 тыс., Чехословакия — 96 тыс.). Договор вступил в силу 1 декабря 1935 г.⁶⁰

¹ Г. Б. Наши задачи в деле лесного экспорта // Внешняя торговля. 1924. № 34. С. 1.

² В данной статье не рассматривается советский лесной экспорт на Дальнем Востоке. Об этом см., напр.: *Mishina N. Role of forest trade relations between Russia, Japan and China in development and utilization of the Amur basin's forest.* URL: <http://www.chikyu.ac.jp/AMORE/2008Proceeding5/Mishina2008.pdf> (дата обращения: 15.06.2017).

³ Стрельцов. Лесоэкспортные заметки // Внешняя торговля. 1925. № 3. С. 19.

⁴ В записке члена ЦКК РКП(б) А. И. Стецкого «Проблемы организации внешней торговли», написанной в начале осени 1925 г., «наиболее рентабельными и массовыми» экспортными товарами назывались только хлеб, лен и пушнина (Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 374. Оп. 28. Д. 989. Л. 13).

⁵ Доклад о взаимоотношениях лесоэкспорта и лесного хозяйства, 6.3.1926 // Там же. Д. 1537. Л. 12, 19.

⁶ Там же. Л. 263–266.

- ⁷ *Ahvenainen J.* Suomen sahateollisuuden historia. Porvo, Helsinki, Juva, 1984. S. 352.
- ⁸ Краткий меморандум о первом совещании между представителями лесоэкспортных организаций СССР, Швеции и Финляндии, 29.1.1926 // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 1537. Л. 269–270.
- ⁹ *Sinkko E.* Puunjalostus pulassa 1930–1933 // Acta Universitatis Tamperensis. 1986. Ser. A. T. 202. S. 142–152.
- ¹⁰ Информационный бюллетень IV отдела штаба Ленинградского военного округа по данным к 1 февраля 1930 г., б/д // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 61. Д. 41. Л. 40.
- ¹¹ Справка И. М. Майского «По вопросу о советско-финских отношениях 1930 г.» б/д // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 3. Л. 3–5.
- ¹² Ulkoasiainministeriön arkisto (UMark). Tullit ja tullilaitos. T 3. b. Ministerin Procopen muistiinpanoista. 18.1.1931 keskustelusta Hendersonin kanssa.
- ¹³ *Данишевский К.* Вопросы II пятилетки лесного экспорта // Внешняя торговля. 1932. № 8. С. 1.
- ¹⁴ Записка НКВТ в Политбюро ЦК ВКП(б), 17.1.1931 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 1–5.
- ¹⁵ Протокол М 24 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.1.1931 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 122.
- ¹⁶ Конъюнктурный обзор за август 1932 г. Планово-экономического управления АО «Экспортлес», б/д // Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 413. Оп. 13. Д. 30. Л. 1.
- ¹⁷ В конце 1920-х — начале 1930-х г. Карл Иванович Альбрехт (Карл Маттхойз Лёв, 1897–1969) опубликовал несколько книг и брошюр, посвященных состоянию лесного хозяйства и проблемам лесной промышленности. См., напр.: *Альбрехт К. И.*: 1) Значение лесов и лесной промышленности в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1931; 2) Для леса нужны постоянные кадры рабочих. М.; Л., 1931; 3) Рационализация и механизация лесозаготовок. М.; Л., 1929; и др. Однако он более известен своей книгой «Преданный социализм. Десять лет в качестве высокого государственного чиновника в Советском Союзе», неоднократно издававшейся в гитлеровской Германии в 1938–1944 гг.
- ¹⁸ Краткий доклад К. И. Альбрехта «О поездке в Финляндию, Швецию, Норвегию, Германию с 7 июля по 7 сентября 1930 г.», б/д // ГАРФ. Ф. 374. Оп. 28. Д. 3818. Л. 17–19; Личное письмо К. И. Альбрехта Л. М. Кагановичу, И. А. Акулову, 17.7.1930 // Там же. Л. 115 об.–116. — Лесной экспорт использовался СССР не только в качестве источника поступления валютных средств, но и в качестве средства решения политических вопросов. Летом — осенью 1930 г. велись продолжительные переговоры о поставках советского леса в литовский Мемель. Этот шаг предпринимался исключительно в политических целях. Деловые круги Мемеля настойчиво стремились к улучшению польско-литовских отношений, поскольку отсутствие сплава по р. Неман подрывало экономику города (из этих кругов часто исходили предложения литовским властям посреднических услуг в налаживании связей с Варшавой). НКВД предпринял серьезные усилия для того, чтобы сломить сопротивление «Экспортлеса» и заставить его вступить в переговоры о поставках леса синдикату мемельских хозяев лесопилок, что должно было ослабить его заинтересованность в поставках леса из Польши. 15 сентября в Москву выехала мемельская делегация. В результате трудных переговоров было достигнуто «провизорное соглашение» о поставках леса из СССР. Это соглашение, по мнению советской стороны, способствовало загрузке мемельской деревообрабатывающей промышленности и ослаблению заинтересованности Мемеля и Литвы в сплаве по Неману. Однако на протяжении нескольких недель Наркомторг и «Экспортлес» затягивали его вступление в силу, фактически это произошло лишь 11 октября, когда торгпред Ангарский, так и не получивший четких инструкций от своего руководства, на свой страх и риск подписал соответствующий протокол.
- ¹⁹ R. Sperling to A. Henderson, Helsinki, desp., 9.10.1930 // Public Records Office (PRO). FO/371/14810/N7135.
- ²⁰ [Материалы Секретариата Н. Н. Крестинского] // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 96. Д. 5. Л. 7.

- ²¹ Материалы Александрова «Для политкалендаря», б/д // Там же. Ф. 135. Оп. 14. П. 129. Д. 3. Л. 10.
- ²² Письмо В. А. Антонова-Овсенко Б. С. Стомонякову, 13.1.1931 // Там же. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 522.
- ²³ Записка Ш. М. Дволайцкого М. М. Литвинову, 17.1.1931 (с приложением копии записки А. П. Розенгольца И. В. Сталину «О соглашении с финскими и шведскими промышленниками об ограничении экспорта пиломатериалов») // Там же. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 1–7.
- ²⁴ Протокол № 27 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.2.1931 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 138.
- ²⁵ *Коллонтай А. М.* Записки за двадцать три года дипломатической работы. Тетрадь восьмая // Там же. Ф. 134. Оп. 3. Д. 15. Л. 37.
- ²⁶ UMaArk. Tullit ja tullilaitos. T 3. b. Suomen lähetystön Tukholmassa raportti. 4.4.1931.
- ²⁷ Протокол № 35 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.4.1931 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 822. Л. 8.
- ²⁸ Записка М. М. Литвинова И. В. Сталину, 19.4.1931 // АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 8.
- ²⁹ Протокол № 36 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.5.1931 (решение Политбюро от 30.4.1931) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 823. Л. 13.
- ³⁰ Протокол № 37 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 10.5.1931 (решение Политбюро от 10.5.1931) // Там же. Д. 824. Л. 4.
- ³¹ Письмо Б. С. Стомонякова И. М. Майскому, 26.4.1931 // Документы внешней политики СССР. Т. XIV. М., 1968. С. 285.
- ³² [Материалы референтуры по Финляндии] // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 4. Л. 12, 13, 18.
- ³³ UMaArk. T 3. B. Suomen lähetystö Tukholmassa. 4.4.1931.
- ³⁴ Ministeri Procopén muistiinpanoja 5.3.1931. Keskustelu ministeri Maiskin kanssa // Kansallisarkisto. Hj. J. Procopén kokoelma. Kansio 26. Ministeri Procopén muistiinpanoja 5.3.1931. Keskustelu ministeri Maiskin kanssa.
- ³⁵ Протокол № 41 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.6.1931, п. 39/39 (опросом от 3.6.1931) // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 68.
- ³⁶ Политкалендарь полпредства в Финляндии, август 1931 // АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 14. П. 129. Д. 7. Л. 22.
- ³⁷ Политкалендарь полпредства в Финляндии, 3.7.1931 // Там же. Д. 4. Л. 20 об.
- ³⁸ Доклад И. Карташова Н. Н. Крестинскому. 19.9.1931 // АВП РФ. Ф. 010. Оп. 2. П. 13. Д. 224. Л. 11, 12.
- ³⁹ UMaArk. Suomen Moskovan-lähetystön raportti. 25.6.1931.
- ⁴⁰ *Ahvenainen J.* Suomen sahteollisuuden historia. S. 355.
- ⁴¹ Аркадьев (ответственный исполнитель отдела проверки исполнения). Справка о состоянии выполнения постановлений Совета труда и обороны за № 425 от 1.12.30, № 68 от 23.2.31, № 82 от 3.3.31, № 121 от 25.3.31, № 163 от 22.4.31 и постановления президиума ЦК ВКП(б) — НК РКИ за № 28 от 10.3.31 // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 16. Л. 28.
- ⁴² *Коллонтай А. М.* Записки за двадцать три года дипломатической работы... // РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 15. Л. 134.
- ⁴³ Протокол № 70 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.10.1931, п. 17 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 32.
- ⁴⁴ Протокол № 80 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.12.1931, п. 4 («О лес») // Там же. Л. 95.
- ⁴⁵ Письмо Б. С. Стомонякова Ф. Ф. Раскольникову, 26.5.1931 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 54. Д. 56. Л. 38–39.
- ⁴⁶ Протокол № 45 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.6.1931 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 832. Л. 2.
- ⁴⁷ *Ahvenainen J.* Suomen sahteollisuuden historia. S. 355.
- ⁴⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 16. Л. 27–29.

⁴⁹ Данишевский К. Вопросы II пятилетки лесного экспорта // Внешняя торговля. 1932. № 8 (20.3.1932). С. 1–4.

⁵⁰ Справка о состоянии выполнения постановлений СТО и президиума ЦКК ВКП(б) и НК РКИ, 20.9.1931 // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 13. Д. 16. Л. 29.

⁵¹ Протокол № 80 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.12.1931 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 95.

⁵² Протокол № 95 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8.4.1932 // Там же. Л. 81.

⁵³ Записка С. С. Лобова И. В. Сталину, 19.5.1932 // АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П. 35. Д. 5. Л. 163.

⁵⁴ Там же. Л. 163–164.

⁵⁵ Протокол № 102 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1.6.1932 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 11. Л. 151.

⁵⁶ Протокол № 105 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.6.1932, п. 113/55 // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 12. Л. 196; Постановление Комиссии Политбюро по валютным резервам о снижении накладных расходов в валюте по фрахту в 1932 г. по экспортхлебу, экспортлесу, монтажу импортного оборудования, по адм.-упр. расходам по инотехпомощи и по Совторгфлоту [не позднее 23.6.1932] // Там же. Л. 203, 209.

⁵⁷ Мировой лесной рынок в 1931 г. (Предварительные итоги) // Внешняя торговля. 1932. № 1. С. 15. — Между тем, как признавали советские эксперты, после значительного сокращения экспорта в 1931 г., шведские и финские экспортеры в 1932 г. нарастили объемы экспорта, благодаря девальвации валют: Финляндия с доли в 9,8 % на мировом рынке в 1931 г. до 12,2 % в 1932 г., а Швеция — с 7,4 % до 9,1 %.

⁵⁸ Ahvenainen J. Suomen sahateollisuuden historia. S. 356.

⁵⁹ Ibid. S. 357.

⁶⁰ Ibid. S. 360–361.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Рупасов А. И. Лесной экспорт СССР в конце 1920-х — начале 1930-х гг. и конкуренция на европейском рынке // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 1. С. 82–98. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.106>
УДК 94(47).084.6

Аннотация: В статье исследуется экономическая и политическая роль лесного экспорта СССР на рубеже 1920-х и 1930-х гг. Решение проблемы получения валюты для осуществления амбициозных программ восстановления и модернизации промышленности на протяжении всех 1920–1930-х гг. оставалось для политического руководства СССР одним из приоритетов. Экспорт леса рассматривался как серьезный источник пополнения валютных резервов. СССР в указанный период пытался договориться со своими прямыми конкурентами — Финляндией и Швецией — об установлении выгодных для всех сторон цен на лес. Ситуацию на европейском лесном рынке в 1931–1932 гг. серьезно усугубило поступление значительных объемов товара из Польши и Северной Америки. В результате проблема вышла на совсем иной уровень — секретариат Лиги Наций предпринял попытку найти пути выхода из кризиса. Для обсуждения проблемы в Женеву были приглашены представители Англии, Франции, Германии, Швеции, Италии, Нидерландов, Польши, Чехословакии, Финляндии и СССР. Решено было включить обсуждение этой проблемы в программу обсуждения на Лондонской экономической конференции в 1933 г. На международных переговорах в Копенгагене в 1935 г. были определены доли рынка для СССР, Финляндии, Швеции, Польши, Австрии, Румынии, Югославии, Чехословакии. Подписанный договор вступил в силу 1 декабря 1935 г.

Ключевые слова: лес, экспорт, внешняя торговля, мировой рынок леса, 1930-е гг., многосторонние переговоры.

Сведения об авторе: Рупасов А. И. — д-р ист. наук, вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); rupasov_ai@mail.ru

FOR CITATION

Rupasov A. I. 'Soviet Export of Forest in the late 1920s — early 1930s and Competition on European Market', *Modern History of Russia*, vol. 8, no. 1, 2018, pp. 82–98. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2018.106>

Abstract: The article examines the economic and political role of the USSR's timber exports at the turn of the 1920s and 1930s. Solving the problem of obtaining currency for the implementation of ambitious programs for the restoration and modernization of industry throughout the 1920-1930s remained a priority for the political leadership of the USSR. Forest exports became one of the ways to replenish foreign exchange reserves, although not immediately. The USSR in the specified period tried to agree with its direct competitors, i.e., Finland and Sweden, on establishing beneficial prices for all the parties. The situation in the European forest market in 1931–1932 seriously aggravated receipt of significant quantities of goods from Poland and North America. As a result, the problem reached a completely different level with the League of Nations secretariat attempting to find ways out of the crisis. Representatives of England, France, Germany, Sweden, Italy, the Netherlands, Poland, Czechoslovakia, Finland and the USSR were invited to discuss the problem in Geneva. It was decided to include discussion of this problem in the discussion program at the London Economic Conference in 1933. At international negotiations in Copenhagen in 1935, market shares were determined for the USSR, Finland, Sweden, Poland, Austria, Romania, Yugoslavia, and Czechoslovakia. The signed contract entered into force on December 1, 1935.

Keywords: forest, USSR, Finland, Sweden, Europe, export, 1930s.

Author: *Rupasov A. I.* — Doctor of History, Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); rupasov_ai@mail.ru

References:

- Ahvenainen J. *Suomen sahateollisuuden historia* (Porvoo — Helsinki, 1984).
- Albrecht K. I. *Dlja lesa nuzhny postojannye kadry rabochikh* (Moscow — Leningrad, 1931).
- Albrecht K. I. *Racionalizacija i mekhanizacija lesozagotovok* (Moscow — Leningrad, 1929).
- Albrecht K. I. *Znachenie lesov i lesnoj promyshlennosti v narodnom khozjajstve SSSR* (Moscow — Leningrad, 1931).
- Danishevskiy K. 'Voprosy II pyatiletki lesnogo eksporta', *Vneshnyaya torgovlya*, no. 8, 1932.
- Mishina N. 'Role of forest trade relations between Russia, Japan and China in development and utilization of the Amur basin's forest', URL: <http://www.chikyu.ac.jp/AMORE/2008Proceeding5/Mishina2008.pdf> (accessed 15.06.2017).
- Sinkko E. 'Puunjalostus pulassa 1930-1933', *Acta Universitatis Tamperensis*, Ser. A. T. 202, 1986.
- Streltsov. 'Lesoeksportnye zametki', *Vneshnyaya torgovlya*, no. 3, 1925.